

ТЕОРИИ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ в XX веке И СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ¹

В статье анализируются некоторые теоретические концепции конструирования социальной реальности XX столетия с точки зрения их соотносительности с раннесоветским обществом как объектом и результатом социального проектирования. Показано, что большевистская программа построения коммунистического общества находилась в контексте общемировых идей изменения социальной реальности в условиях развития машинной цивилизации.

Большое внимание уделено концепции социальной инженерии Карла Поппера. Ввиду невозможности реализации макросоциального воздействия с заданными характеристиками делается вывод о неизбежности перехода преобразователей к «поэлементному планированию» (в терминологии Поппера), а также к усилению пропагандистской составляющей в контексте «воспитания нового человека».

К л ю ч е в ы е с л о в а: социальное проектирование, социальная инженерия, советская идеология, программа построения коммунизма, К. Поппер, «воспитание нового человека».

Возникновение идеи «социального инжиниринга»

На протяжении ста лет, отделяющих нас от большевистской революции, отношение к советскому опыту социального переустройства неизбежно менялось – от восторженного у поборников коммунистической идеи в первые десятилетия Советской власти до скептического – у большинства живших в эпоху позднего Брежневца. На излете «перестройки», на рубеже 1980–1990-х годов, доминирующими стали негативные оценки советского прошлого. Спустя еще четверть века, когда эмоциональные оценки «левых» и «правых» медленно, но неизбежно уступают место отстраненной рефлекс-

¹ Тема поддержана грантом Российского научного фонда (проект № 16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

сии, есть смысл разобраться, каково было место советского проекта на шкале социально-политических воззрений эпохи и какие теоретические уроки можно извлечь из попытки построения коммунизма в отдельно взятой стране.

Утопические концепции идеального общественного устройства от Томаса Мора до Роберта Оуэна во второй половине XIX века получили новую жизнь в работах Маркса, Бакунина и их последователей. Подобно предшественникам, они воспринимали современный мир как глубоко враждебный человеческой природе. Эти чувства оказались многократно усилены реалиями «дикого капитализма» того времени. Сравнение капиталистического государства со всепожирающим Молохом было вполне обычным. В «Капитале» Маркс сочувственно цитировал английского публициста Сэмюэля Лэнга: «Каждый большой город – это место человеческих жертвоприношений, алтарь, на котором ежедневно убиваются тысячи для Молоха жадности» [1, с. 672]. От осознания неудовлетворительности современного мира было совсем недалеко до идей его рукотворного изменения. Состояние умов хорошо иллюстрирует идея Герберта Спенсера, высказанная им в работе «От свободы к рабству» (1891): «Ничто, кроме медленного совершенствования человеческой природы посредством организации социальной жизни, не может произвести благоприятных перемен» [2, с. 127].

До этого времени функцию социального регулирования выполняла природа. Однако в эпоху бурного развития промышленного капитализма ее потенциал оказался недостаточным для создания крупных социальных образований, подобных нациям, транснациональным компаниям, финансово-промышленным группам, мировым сообществам, глобальному обществу. Идеи организации общества имели поэтому экономическую индустриальную основу, связанную с завершением раздела мира и формированием «монополистического» сознания. В духе времени обновление мыслилось на путях машинной цивилизации. В начале XX века поэтика «нового мира, сегодняшнего, железного» [3, с. 59] вслед за философами захватила писателей, художников и поэтов².

² О влиянии идей социального инжиниринга на художественное творчество см., напр. [4].

Многие авторы социальных проектов второй половины XIX века находились под воздействием идей самоорганизации общества в духе социалистов-утопистов. Именно поэтому широкое распространение первоначально получили анархические идеи – от У. Годвина и М. Штирнера до М. Бакунина и П. Кропоткина. Не была оригинальной и Марксова концепция слома современного государственного механизма. Но она оказалась чрезвычайно привлекательной, во-первых, из-за блестящего анализа сути капитализма, принятого в «Капитале», а во-вторых, из-за достаточно стройной концепции стадийного развития человеческого общества и коммунизма как желаемой конечной цели. Научность построений Маркса не подвергалась сомнению и с точки зрения позитивистских представлений о творческой роли исторического опыта в построении будущего, господствовавших в тогдашней науке. Поэтому изначально у российских марксистов не было оснований усомниться в верности положений его учения.

Утопический ореол вокруг марксистского учения стал формироваться много позже, при попытках его практической реализации. Главное, с чем в конце концов столкнулись все проводники рукотворных социальных изменений от Ленина до Дж. Кейнса, – это осознание неустранимости государства из процесса реформирования. Именно здесь следует искать корни ленинской ревизии Маркса, получившей название марксизма-ленинизма.

Представления о роли государства в изменении общества у мыслителей прошлого очень разнообразны – от необходимости задержки любых изменений у Платона [см.: 5, т. 1, с. 69] до теории «разумного» государства, подчиняющего личность и тем самым объективирующего свободу у Гегеля [см.: Там же, т. 2, с. 41]. Особенностью «монополистического» восприятия рубежа XIX–XX веков стало то, что с появлением наднациональных форм социальной организации и институтов гражданского общества на Западе государство, хотя и занимая важное место в сложившейся системе ценностей, более не воспринималось как главная сила общественного развития. Именно в этом ключе выдержаны концепции «социального проектирования», «социальных технологий» и «социальной инженерии», в своих названиях, очевидно, апеллирующие к ценностям индустриальной цивилизации.

Несмотря на почтенный возраст этих идей и многочисленные попытки их реализации в разных странах мира [см.: 6], сегодня по-прежнему отсутствует сложившийся понятийный аппарат, касающийся социального проектирования. Такая ситуация во многом проистекает из междисциплинарности изучаемого предмета. Вполне условным является отделение социального проектирования от социальной инженерии даже в среде социологов. Характерно, что интернет-поиск термина «социальная инженерия» в первую очередь дает результаты, связанные с так называемым фишингом, т. е. мошеннической деятельностью, имеющей целью доступ к персональной информации.

По мнению Карла Поппера, впервые термин «социальная инженерия» был использован, по-видимому, Сиднеем и Беатрисой Вебб в конце XIX века³, а затем Роско Паундом в его «Введении в философию права» (1922) и Марком Истмэном в книге «Марксизм – это наука?» (1940) [см.: 5, т. 1, с. 262]. В то же время, по замечанию современного автора, еще в 1899 году в США выходил небольшой журнал под названием *Social engineering* и тогда же о «социальном инженерере» заговорили как о новой профессии, связанной с удовлетворением нужд наемных рабочих [см.: 7, с. 69], а в 1911 году, после выхода книги социолога Эдвина Ерпа «Социальный инженер» [см.: 8], этот термин вошел в массовый оборот в его современном значении⁴. Большое значение для конституирования понятия имели взгляды немецкого социолога Фердинанда Тённиса, который в 1905 году утверждал, что общество более не может управляться старомодными способами. Для эффективного менеджмента необходимы передовые технологии и обширные статистические данные, которые будут способствовать движению общественной системы в правильном направлении [см.: 10]. Похожим образом развивалась творческая мысль известного марксистского теоретика А. Богданова, в 1920-х годах сформулировавшего концепцию новой социальной науки под названием «тектология» [см.: 11].

³ Работы «*History of Trade Unionism*» (1894) и «*Industrial Democracy*» (1897). См. также [5, т. 1, с. 262].

⁴ «Деятельность по проектированию, конструированию, созданию и изменению организационных структур и социальных институтов» [см.: 9].

Карл Поппер и социальное проектирование

Несмотря на некоторое количество предшественников, основоположником социальной инженерии следует считать Карла Поппера, поскольку именно в его работах она была подробно разработана как концепция постепенных (*piecemeal*) социальных преобразований, противоположная утопической социальной инженерии, не обусловленной текущими потребностями общества, а основанной на историчистских представлениях⁵.

В своем анализе Поппер, очевидно, вдохновлялся результатами советского социального эксперимента. Пафос неприятия советского опыта реализации марксистской социальной программы формирует тональность и «Открытого общества» (1938–1943), и «Нищеты историчизма» (1944) – главных его трудов по социальной и политической философии. Основным преимуществом Поппера перед теоретиками социальной инженерии – его предшественниками – является то, что многие его выкладки лишены теоретической умозрительности и находят подтверждение в реальном историческом опыте. Именно на этой основе сформировался научный статус Поппера как первопроходца.

Взгляды Поппера оформились на фоне интереса к социальной инженерии как разновидности прикладной социологии прежде всего в США. Хотя в качестве направления американской социологической науки социальная инженерия утвердилась только в 1960-е годы, сама идея и некоторые принципы ее практической реализации нашли отражение еще до Второй мировой войны в утилитарной концепции «человеческой инженерии» (*human engineering*), ставившей своей целью использование научных данных о потребностях, возможностях и недостатках человеческого организма при конструировании и проектировании машин и машинных систем. В 1950–1960-е годы группы «социальных инженеров» работали в индустриальной и военной социологии, исследованиях пропаганды и коммуникаций, групповой динамики [см.: 14, с. 16].

⁵ Об этом см. [5, т. 1, с. 30]. См. также примечание редактора на той же странице. Подробнее о концепции социальной инженерии в работах Поппера см.: [12; 13].

В отечественной литературе термин появился в начале 1970-х годов в работах по критике западной социологии и социальной психологии и окончательно устоялся в 1980-е годы, хотя у нас чаще используется близкий по смыслу термин «социоинженерная деятельность» [см.: 12, с. 87].

Философская дефиниция социальной инженерии (см. примеч. 4) недостаточна по той причине, что оставляет «за скобками» характер этой деятельности. Указанного недостатка лишено социологическое определение, в соответствии с которым под социальной инженерией понимается «совокупность подходов в прикладных социальных науках, ориентированных:

- 1) на изменение поведения и установок людей;
- 2) разрешение социальных проблем;
- 3) адаптацию социальных институтов к изменяющимся условиям;
- 4) сохранение социальной активности» [15].

На серьезное затруднение при использовании термина обратил внимание Ф. фон Хайек. По его мнению, работа инженера предполагает сосредоточение всего, имеющего отношение к знанию, в одной голове, в то время как знание, имеющее отношение к решению социальных проблем, не может быть централизовано [см.: 16, с. 75]. В том числе и по этой причине вряд ли стоит отказываться от термина «социальное проектирование», тем более что он, очевидно, предполагает более широкий смысловой контекст и потому удобен для раскрытия заявленной темы.

Возвращаясь к Попперу, следует заметить, что отношение к его творчеству в нашей стране противоречиво. Основные работы мыслителя по философии науки были переведены в СССР еще в 1960-е годы. При этом считалось, что существует «два Поппера»: один – глубокий философ, а другой – пристрастный идеолог ввиду его выраженной антикоммунистической позиции. Такой взгляд позволил легитимировать Поппера-философа в официальной советской научной среде [см.: 17, с. 62]. «Крамольные» работы «Открытое общество» и «Нищета историцизма» вышли на русском языке соответственно в 1992 и 1993 годах [см.: 5; 16], т. е. более 20 лет назад, и на момент написания настоящей статьи более поздние

издания обнаружить не удалось. На этом основании можно заключить, что настороженность по отношению к Попперу как социальному философу в среде отечественных исследователей продолжала существовать.

Полемический заряд, отстаивающий ценности западной демократии в ее борьбе с коммунистической идеологией, делает обе названные книги интересными для исследователей социального проектирования советского образца.

«Ницета» историцизма и утопизма и советский проект

Ключевыми для понимания позиции автора являются понятия «открытое общество» и «историцизм». Под первым подразумевается такое общественное устройство, в котором граждане имеют возможность влиять на деятельность правительства. Под историцизмом понимаются все социально-философские теории, основанные на вере в «историческую необходимость» и притязающие на предвидение будущего. Сколь бы различными при этом не были социальные теории (например, воззрения Платона или Маркса), их объединяет страсть к *социальной инженерии* – обустройству общества сообразно некоторому идеалу.

«Историцизм» не был изобретением Поппера. Термин, обычно имеющий негативную коннотацию, встречается у множества авторов – от Ницше, Дильтея и Коллингвуда до марксистско-ленинских теоретиков, которые связывают с ним спекулятивную философию истории, бессистемную фактографию, «неисторическую историю» и т. п. [см.: 18].

Основная претензия Поппера к историцизму в том, что он «видит главную задачу социальных наук в *историческом предсказании*» через «“ритмы”, “схемы”, “законы” или “тенденции”» [16, с. 10]. Таким образом, по Попперу, чтобы быть объектом научного рассмотрения, социальная теория должна быть лишена всех этих элементов. Именно здесь его основная претензия к марксизму и его последователям – большевикам, начавшим строить новое общество на негодных основаниях.

Критикуя историцизм, Поппер в то же время разделяет некоторые его положения:

- никакой научный прорицатель не может предсказать собственные научные результаты;
- эксперименты в обществе невозможны, так как само их проведение влияет на состояние общества;
- человек не должен быть пассивным созерцателем.

Деятельное поведение личности Поппер характеризует как «активизм» и даже вполне сочувственно цитирует Маркса, что «философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы его *изменить*» [16, с. 15]. Правда, если существуют исторические законы, иронически замечает Поппер, то все эти попытки изменений сводятся лишь к социальному акушерству, т. е. к попыткам ускорить рождение предсказанного нового общества [см.: 15, с. 60].

Если историцисты ввиду невозможности социальных экспериментов делают вывод о необходимости социологических предсказаний, то Поппер полагает, что такого рода предсказания невозможны в принципе: социология в наибольшей степени зависит от своих оснований – физики и химии, а также психологии, и потому наиболее сложна [см.: Там же, с. 20].

Социальные процессы невозможно анализировать через поэлементную причинность, поэтому историцисты тяготеют к изучению групп, а не отдельных элементов. Поппер называет такой подход «холическим» [Там же, с. 25]. В его рамках причинное объяснение исторических событий осуществляется не через поэлементную причинность, а с помощью таких социальных реальностей, как государство, экономическая система или форма правления, т. е. через категории, которые нельзя выразить количественно. Отсюда тяга историцистов к *эссенциальности*, или проникновению в сущность [см.: Там же, с. 38]. Но при таком подходе в исследованиях отсутствует точность, поэтому социология должна заниматься широкими предсказаниями, а единственным ее эмпирическим источником является история [см.: Там же, с. 48]. Скорее всего, именно здесь кроются причины неприязни официальной советской науки к практическим социологическим исследованиям и социологии в целом.

По Попперу, есть два типа научных предсказаний. Первое из них, типа «надвигается тайфун», о том, что предотвратить нельзя, но можно принять меры по смягчению последствий. Второе – «укрытие выдержит» – имеет технологическую, инженерную природу. Историцисты игнорируют предсказания второго типа, поскольку в социальных науках эксперимент невозможен, и обращаются только к тем, которые являются выражением «законов развития», совпадающих с течением истории. Однако ввиду вероятностного характера этих законов их предсказания приобретают статус не прогнозов, а пророчеств [см.: 15, с. 55], т. е. становятся предметом веры⁶.

Для понимания характера советского утопизма важным является видение Поппером историцизма в его связи с утопией. По мнению мыслителя, в основе любой утопии лежит рациональное целеполагание: «Если мы хотим действовать рационально, мы должны прежде всего выбрать цель... Только когда мы сформулируем, хотя бы в виде грубого наброска, конечную цель и получим нечто подобное проекту общества, к которому мы стремимся, только тогда мы можем... наметить план практических действий» [5, т. 1, с. 199–200]. Именно это придает утопии характер научности, и поэтому она способна убедить многих. Но она ненаучна в той же степени, что и историцизм – реализация модели желаемого общества невозможна ввиду невозможности спрогнозировать путь общественного развития, находясь внутри реформируемого социума.

В противоположность историцизму утопия совсем необязательно имеет в виду некие «законы истории». Сходство между ними – прежде всего в холическом подходе (Поппер называет это «несвятым союзом» историцизма с утопией). Таким образом, если историцизм ограничивает рамки инженерии «социальным акушерством», утопизм свободен от ограничений. «Несмотря на это, – пишет Поппер, – историцизм часто вступает в союз с идеями, типичными для холической или утопической социальной инженерии, такими как “Новый Порядок” или “централизованное планирование”» [16, с. 86].

⁶ О прогнозе и пророчестве см.: [19, с. 359].

Симпатичный Попперу «поэлементный» инженер точно так же не может предвидеть последствий своих действий, как историк или утопист. Поэтому «он будет прокладывать путь, делая один шаг за другим и беря на заметку последствия проводимой реформы; он будет избегать сложных и масштабных реформ, уже невозможно бывает разобраться, где причина, а где следствия, и понять, что же собственно он делает» [16, с. 79].

В отличие от «поэлементной» инженерии, «холическая, или утопическая социальная инженерия нацелена на захват “ключевых позиций” и укрепление власти государства... пока государство не сольется с обществом»; кроме того, ее целью является «контроль с этих “ключевых позиций” тех исторических сил, которые определяют будущее развивающегося общества, либо задерживая его развитие, либо предвидя его ход и приноравливаясь к нему... В то время как “поэлементный” инженер не заботится о масштабах реформы, холист заранее знает и заранее решил, что возможна и необходима полная перестройка общества» [16, с. 79–81]. В конечном счете любая утопическая попытка достигнуть идеального государства требует сильной централизованной власти немногих и чаще всего ведет к диктатуре [см.: 5, т. 1, с. 202]⁷.

Исходя из вышесказанного, советский проект можно в равной мере рассматривать как историкский и утопический. Причем историкским он был в той своей «теоретической» части, где базировался на историческом материализме Маркса. Однако практическая деятельность большевиков имела признаки «социального акушерства» лишь в самый ранний, романтический период большевистской революции (политика военного коммунизма). С осознанием того, что прогнозы Маркса о неизбежной перестройке мирового порядка под давлением революционного пролетариата в сложившейся конкретной ситуации не сбываются, постепенно утвердился утопизм ленинского толка, который использовал марк-

⁷ Возможно, из желания сгладить остроту разногласий между собой и Ф. фон Хайеком в оценке поэлементной социальной инженерии Поппер специально оговаривает, что эта его точка зрения совпадает с заявленной в книге Ф. фон Хайека «Дорога к рабству» [см.: 5, т. 1, с. 353].

систские положения скорее в качестве лозунгов, нежели пунктов реальной программы действий.

Проводя грань между марксистским историцизмом и ленинской утопией, Поппер замечает: «Марксизм – это чисто историцистская теория, которая стремится предсказывать будущий ход экономического и политического развития и, в особенности, ход развития революций. Как таковой, марксизм определенно не являлся основой политики Российской коммунистической партии после прихода ее к политической власти» [5, т. 2, с. 99]. Поскольку Маркс считал всякую социальную технологию утопической, «его русские последователи оказались совершенно не приспособленными для решения своих гигантских задач в области социальной инженерии. Как вскоре понял Ленин, марксизм был неспособен помочь в деле практической экономики» [Там же]. По признанию большевистского вождя, в работах Маркса вряд ли можно найти хотя бы одно слово об экономике социализма, за исключением таких бесполезных лозунгов, как «Каждый – по способностям, каждому – по потребностям!» В результате ни нэп, ни первые пятилетние планы не имели ничего общего с теорией научного социализма, выдвинутой Марксом и Энгельсом [см.: Там же].

Поппер считает, что на практике холический метод (историцистский или утопический) невозможен: чем обширнее осуществляемые холические изменения, тем значительнее их непреднамеренные и во многом неожиданные последствия, вынуждающие холического инженера обращаться к приемам «поэлементной» импровизации. «Холисты отвергают “поэлементный” подход, считая его слишком умеренным; однако... они всегда возвращаются к несистематическому и грубому, но зато амбициозному и решительному применению по сути своей “поэлементного” метода, хотя и лишённого осторожности и самокритичности... Утопический инженер постоянно делает вещи, которых он делать не собирался; иначе говоря, мы сталкиваемся здесь со знаменитым феноменом незапланированного планирования» [16, с. 81].

Государство против личности

Другой проблемой, возникающей на пути холических изменений, является неизбежное возрастание роли государства, причем в масштабах, в конечном счете неудобных для самого этого государства. Включение в государственную орбиту все новых и новых социальных отношений требует создания соответствующих контролирующих органов, но «с каждой новой контрольной инстанцией мы создаем тьму новых социальных отношений, в свою очередь требующих над собой контроля» [16, с. 93], и в результате бесконечного регресса система управления оказывается парализованной.

Таким образом, самым неудобным для всякого управленца, мыслящего в холических масштабах, оказывается человеческий фактор. Отсюда неизбежность обращения вслед за преобразованием институтов к преобразованию человека. «Политическая проблема состоит поэтому в том, чтобы организовать человеческие импульсы, они устремят энергию на правильные стратегические пункты и направят процесс развития в желательном направлении», – приводит Поппер цитату К. Маннгейма из книги «Человек и общество» [см.: Там же, с. 82].

Тема формирования «нового человека» – одна из самых важных для понимания сути тоталитарных режимов XX века. В контексте западной социологии она рассматривается в контексте свободы личности в ее взаимоотношениях с государством. Восприятие этой свободы как базовой общественной ценности предопределило жесткий полемический тон сочинений не только Поппера, но и того же К. Маннгейма, а также Х. Арндт, Ф. фон Хайека, Э. Фромма и других мыслителей.

В большевистской идеологии проблема формирования «нового человека» была тесно связана с лозунгом «культурной революции», впервые озвученным в 1923 году в работе Ленина «О кооперации» [см.: 20, с. 372]. Сама же необходимость идеологического наступления была осознана с началом политики нэпа в 1921 году и выразилась в системе мер, самыми известными из которых стали борьба с церковью и высылка «буржуазных» ученых («философский пароход») в 1922 году. И если в первые годы Советской власти

эта «борьба за умы» имела в большей степени тактический характер⁸, то к концу 1920-х годов она реализовалась в монументальной триаде «индустриализация, коллективизация и культурная революция» как необходимом условии для успеха коммунистического строительства, а на рубеже 1950–1960-х годов вошла в хрущевскую программу построения коммунизма («воспитание нового человека») [см.: 22, с. 50–57].

Содержание советской идеологической эволюции вполне адекватно передается следующим тезисом Поппера: «Требование построения нового общества, пригодного для того, чтобы в нем жили мужчины и женщины, подменяется требованием “формирования” этих мужчин и женщин с тем, чтобы они “подходили” этому новому обществу» [16, с. 82]. При этом нет никакой возможности проверить, добилось ли новое общество успеха или потерпело неудачу, так как те, кому не нравится в нем жить, должны будут признать, что еще не «созрели» для этого общества [см.: Там же, с. 82].

Носители централизованной власти заинтересованы в установлении контроля над умами еще с одной целью – чтобы централизовать знание. Но сторонники холистического подхода не замечают того факта, что сделать это невозможно. В реальности холист будет упрощать проблему, стирая различия между индивидами: он попытается контролировать и стереотипизировать интересы и убеждения с помощью образования и пропаганды. Конечным итогом такого вмешательства станет утрата мысли, особенно мысли критической, а знание будет разрушено [см.: Там же, с. 105].

Имея перед глазами четвертьвековой советский опыт, Поппер попытался обобщить его с точки зрения положений своей теории. По его мнению, марксисты не смогли понять опасности, таящейся в политике, ведущей к возрастанию власти государства. Диктатура пролетариата в этом смысле оказалась ничуть не лучше диктатуры буржуазии. «И когда они шумно требуют расширения полномочий государственной власти (в противоположность Марксову взгляду на государство), они не принимают во внимание то, что

⁸ Об этом можно, например, судить по содержанию разговора Ю. Анненкова с Лениным в 1921 году [см.: 21, т. 2, с. 247].

дурные личности могут завладеть этой более широкой властью» [5, т. 2, с. 151–152].

Парадокс всякой революции в том, что после завоевания политической власти революционеры превращаются в свою противоположность. «Революционные лидеры и их соратники, выстоявшие в борьбе за власть... образуют новый правящий класс нового общества. Этот класс представляет собой некий вид новой аристократии или бюрократии, представители которого... будут стараться скрыть этот факт. Удобнее всего это делать, сохраняя революционную идеологию, пользуясь революционными настроениями. И вполне вероятно, что они смогут достаточно искусно воспользоваться революционной идеологией, если одновременно будут использовать контрреволюционные тенденции общественного развития» [Там же, т. 2, с. 162–163]. В результате революционная идеология становится новым «опиумом народа».

Итак, необходимость пропагандистского обеспечения холического планирования очевидна:

- идеология маскирует неудачи преобразований, перенося акцент с изменения институтов на необходимость изменения личности, и обеспечивает работу механизма воспитания «нового человека»;
- с помощью идеологии власть стремится к централизации знания;
- идеология способствует стабилизации правящего режима.

Именно эти компоненты есть смысл рассматривать, анализируя направления и структуру формирования советского общественного сознания.

Суммируя то, что дают социально-философские работы Карла Поппера для понимания сути советского проекта, получаем следующее:

- *Цель.* Советская попытка построения нового общества исходила из марксистской историцистской идеи построения общества будущего, в свою очередь основанной на выведенных Марксом исторических законах.
- *Средства.* За неимением каких-либо конкретных инструкций построения коммунистического общества у Маркса в Советской России произошел переход от марксистской *историцистской*

к ленинской *утопической* модели холических преобразований. После осознания бесплодности романтического радикализма в скором времени большевики перешли от *холического* к фактическому *поэлементному* планированию в рамках политики нэпа. В этом же контексте в дальнейшем продолжала реализовываться советская модель интервенционизма, т. е. вмешательства государства в экономику.

- *Эволюция идеологии.* В первые годы советской власти в своей полемике с другими марксистскими группами, и прежде всего с меньшевиками, большевики делали акцент на том, что только они являются носителями «истинного» марксизма. После устранения меньшевиков с политической сцены ленинская ревизия Маркса в утопически-холическом духе была окончательно конституирована под именем «марксизма-ленинизма». Институционализация каждой новой преобразовательной программы в течение всех лет советской власти предполагала вписывание ее в марксистский контекст. «Марксистская» оболочка давала индульгенцию на любую деятельность.

- *Судьба проекта.* По мере выхолащивания марксистско-ленинских идей в СССР поэлементная инженерия чувствовала себя все более уверенно (различные формы «научной организации труда» и т. п.). До поры холическая утопия поддерживалась искусственно, пока окончательно не превратилась в ритуал. Утвердились методы поэлементной инженерии, схожие по содержанию с методами в «открытом обществе».

Критика «централизованного планирования» фон Хайеком

Взглядам Поппера созвучны идеи Фридриха фон Хайека, высказанные им в работах «Дорога к рабству» (1944) [см.: 23], «Пагубная самонадеянность: ошибки социализма» (1988) [см.: 24] и др. Помимо приведенной выше мысли о невозможности сосредоточения знания, пригодного для социального инжиниринга, в одной голове, Хайек разделяет идею о неизбежном возрастании роли госу-

дарства в ходе реализации проекта советского типа и видит в этом угрозу для ценностей свободной экономики, а через них – для индивидуальной свободы личности. Основную проблему при этом он видит в централизованном, или коллективистском, планировании, которое «неизбежно влечет сознательную дискриминацию, ибо, с одной стороны, оно поддерживает чьи-то устремления, а чьи-то подавляет, а с другой – позволяет кому-то делать то, что запрещено другим» [23, с. 95].

Его доводы против социальной инженерии как таковой звучат следующим образом: «Для успешного решения инженерной задачи необходимо, чтобы вокруг существовала сравнительно большая зона непланируемой экономической деятельности. Должен быть какой-то резервуар, из которого можно черпать работников. А если работник уволен, то он должен исчезать не только с места работы, но и из платежной ведомости. При отсутствии такого резервуара дисциплину можно будет поддерживать только телесными наказаниями, как при рабском труде» [Там же, с. 134]. Поэтому социальная инженерия не может наделяться политическим смыслом; эта попытка связана со «сциентизмом», т. е. перенесением методов естественных наук на науки об обществе.

Связь между существованием свободного рынка и свободой прослеживается и в другом утверждении: централизованное экономическое планирование устраняет из экономической жизни одну из важнейших функций индивида, а именно: его функцию свободного потребителя, т. е. человека, выбирающего продукт [см.: Там же, с. 136]. Хайек указывает на технологическую невозможность создания плана общества, которое одновременно экономически централизовано и индивидуалистично.

Индивидуальная свобода исчезает при столкновении с ценностями коллектива, в то же время «коллективная свобода» – это не свобода каждого члена общества, а ничем не ограниченная свобода планирующих органов делать с обществом все, что они пожелают: «где нет собственности, там нет и справедливости», – цитирует Хайек Джона Локка [см.: 24]. Проблема утраты морали при реализации централизованного планирования особо акцентируется Хайеком: «Там, где существует высшая цель, ради достижения которой

все средства хороши, не остается места для этических норм и правил. Жестокость становится исполнением долга. Коллективисты, видя лишь конечную цель, считают права и ценности личности препятствием к ее достижению. А поскольку высшие ценности устанавливает верховный вожьд, то функционеры не должны иметь нравственных убеждений» [23, с. 154].

Таким образом, если Поппер критиковал политические аспекты историцистско-утопического преобразования общества, то Хайек сконцентрировался на экономических и этических последствиях подобного эксперимента и пришел к выводу о том, что любая попытка такого рода неэффективна и антигуманна.

Идейными наследниками Поппера и Хайека следует считать более поздних мыслителей – Э. Тоффлера, Д. Белла, М. Маклюэна и некоторых других авторов. По выражению В. Чаликовой, с завершением советского эксперимента мир пережил «конец утопии», когда утопический идеал растворился в практике постиндустриального общества. Утопии сменились более рационалистичными «практопиями», которые ориентированы не на «лучший из возможных миров», но на мир практичный и более благоприятный для человека, чем тот, в котором мы живем [см.: 25]. Появление практопий – это не только констатация несбыточности утопического идеала, но и признание справедливости выводов о возможности постепенных изменений к лучшему лишь в отдельных сферах человеческой жизнедеятельности при сохранении сложившихся в социуме норм и правил.

«Социальный конструкционизм» Бергера и Лукмана

Не претендуя на освещение всех сколько-нибудь значительных концепций, имеющих отношение к теме социального проектирования, обратим внимание на теорию социального конструкционизма Питера Бергера и Томаса Лукмана, развитую ими в работе «Социальное конструирование реальности» (1966) [см.: 26]. Несмотря на то, что предметом рассмотрения Бергера и Лукмана были современные плюралистические общества, их теория помогает понять

закономерности формирования «нового человека» в советском социуме, а также сообщества, объединенного общими идеологическими ценностями.

По Бергеру и Лукману, в процессе жизни люди создают социальные феномены на основе *традиции* [см.: 26, с. 114]. Реальность конструируется непрерывно в процессе ее интерпретации людьми и формулирования *знаний* о ней. Само же знание, включая основополагающие представления (так называемый здравый смысл) формируется и поддерживается за счет социального взаимодействия [см.: Там же, с. 62].

Применительно к советскому контексту это означает, что так называемый *Homo Sovieticus* – это не только результат идеологической индоктринации «сверху», но и продукт сложившихся в социуме социальных отношений, в рамках которых формируется новая социальная традиция.

Процесс конструирования социальной реальности происходит по схеме: *хабитуализация* (т. е. формирование привычки) – *институционализация* – *легитимация* – *традиционализация* [см.: Там же, с. 24–160] с последующей *коммеморацией*, т. е. формированием «мест памяти».

С учетом суждения фон Хайека о том, что необходимое для социальных преобразований знание не может содержаться в одной голове, вызывают интерес умозаключения Бергера и Лукмана о месте интеллектуала в обществе. Он оказывается не вписан в приведенную выше схему, поскольку является контрэкспертом в деле определения реальности, т. е. его экспертиза является нежелательной для общества в целом.

Как и «официальный» эксперт, он делает проект общества в целом. Но если первый делает это в соответствии с институциональными программами и его проект служит их теоретической легитимации, то проект интеллектуала существует в институциональном вакууме, его социальная объективация в лучшем случае происходит в подобществе таких же интеллектуалов [см.: Там же, с. 206].

Тем самым обосновывается мысль, не противоречащая выкладкам Поппера и Хайека, что социальная реальность, на формирование которой направлены усилия власти, – результат не столько

интеллектуального воздействия, сколько продукт уже существующих социальных практик.

Ни интеллектуал, ни «официальный эксперт» оказываются не в состоянии достичь цели. Проект интеллектуала ругают за его «оторванность от жизни», а проект «официального эксперта» берут на вооружение как наиболее отвечающий интересам властей, но по причине практической нереализуемости он в конце концов перемещается из сферы реальных действий в чисто идеологическую. Теоретически власть может достичь промежуточного успеха, если угадывает настроения социума, но стратегически ее ждет поражение.

В обоих случаях причина провала одна – сугубая сложность социальных отношений и вытекающая из нее невозможность реформирования общества в целом, на что обращал внимание и Карл Поппер.

Выводы

Анализ возможностей и механизмов социального проектирования – идеологически окрашенный, как у Поппера и Хайека, либо подчеркнуто академический, как у Бергера и Лукмана, – доказывает невозможность реализации социальной утопии в рамках всего общества. Как доказывает Хайек, отдельные позитивные изменения возможны только в условиях существования рыночной экономики и индивидуальной свободы. Власть, которая не учитывает этого обстоятельства, обречена на ужесточение политического режима и введение диктатуры. Счет за неудачи преобразователей в таких случаях обычно предъявляется народу, который пока «не готов» к светлому будущему.

В ходе реализации утопических преобразований действительно происходит трансформация сознания, но созданный таким образом «новый человек» плохо соотносится с желаемым образом, отсюда необходимость для властей постоянно бороться с «пережитками прошлого». Причина кроется в сложности и устойчивости сохраняющихся социальных взаимодействий.

Рассмотренные здесь взгляды социальных теоретиков лишь в очень малой степени следует считать политически конъюнктур-

ными и опосредованными современной авторам политической обстановкой. Работы Поппера, Хайека, Бергера, Лукмана и ряда других авторов сохраняют несомненную актуальность и способны оказать помощь в понимании советского прошлого.

1. *Маркс К.* Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23.
2. *Москвин С. А.* Герберт Спенсер против тоталитаризма // Социс. 1992. № 2. С. 125–129.
3. *Малевич К.* Черный квадрат. М., 2014.
4. *Swirski Peter.* American Utopia and Social Engineering in Literature, Social Thought, and Political History. New York ; London, 2011.
5. *Поннер К.* Открытое общество и его враги : в 2 т. М., 1992.
6. *Скотт Дж.* Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М., 2005.
7. *Carlson Benny.* Social Engineering 1899–1999: A Odyssey through The New York Times // American Studies in Scandinavia. 2005. Vol. 37, Nr 1. P. 69–94.
8. *Earp Edwin Lee.* Social Engineer. New York ; Cincinnati, 2011 [Электронный ресурс]. URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=uva.x001136993;=1ur;seq=13> (дата обращения: 22.10.2016).
9. *Инженерия социальная* // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / под ред. В. С. Степина. М., 2001 [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/8394/%D0%98%D0%9D%D0%96%D0%95%D0%9D%D0%95%D0%A0%D0%98%D0%AF (дата обращения: 21.10.2016).
10. *Tönnies Ferdinand.* The Present Problems of Social Structure // Ferdinand Tönnies Gesamtausgabe. Berlin ; New York, 2009. Vol. 7. P. 269–285.
11. *Богданов А. А.* Тектология: Всеобщая организационная наука : в 2 кн. М., 1989.
12. *Резник Ю. М.* Социальная инженерия: предметная область и границы применения // Социс. 1994. № 2. С. 87–96.
13. *Фадеева В. Н.* Феномен социальной инженерии в концепции К. Поппера // Известия ТПУ. 2008. № 6. С. 107–110 [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-sotsialnoy-inzhenerii-v-kontseptsii-k-poppera> (дата обращения: 23.10.2016).
14. *Генне О. В.* Заметки о социальной инженерии // Защита информации. INSIDE. 2006. № 6. С. 16–19.

15. Мокшин В. К., Миронов А. В. Словарь-справочник по социологии. М., 2011. С. 30 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rulit.me/books/slovar-spravochnik-po-sociologii-read-424698-30.html> (дата обращения: 21.10.2016).

16. Поппер К. Ницета историцизма. М., 1993.

17. Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001.

18. *Историцизм* // Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://iphras.ru/elib/1310.html> (дата обращения: 21.10.2016).

19. Koselleck Reinhart. *Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten*. Frankfurt a/M., 1989.

20. Ленин В. И. О кооперации // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 45. С. 369–377.

21. Анненков Ю. Дневник моих встреч : в 2 т. Л., 1991.

22. Программа Коммунистической партии Советского Союза. Принята XXII съездом КПСС. М., 1974.

23. Хайек Ф. фон. Дорога к рабству. М., 2005.

24. Хайек Ф. фон. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М., 1992 [Электронный ресурс]. URL: http://www.libertarium.ru/l_lib_conceit0 (дата обращения: 30.10.2016).

25. Чаликова В. Маски утопии в XX веке: практопия и ее соперницы // Чаликова В. Утопия рождается из утопии. Лондон, 1992 [Электронный ресурс]. URL: <http://chalikova.ru/maski-utopii-v-xx-veke-praktopiya-i-ee-soperniczyi.html> (дата обращения: 30.10.2016).

26. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.